

Нин Синчжи очнулся, когда уже совсем рассвело. На нем была чистая одежда, а сам он лежал в том самом боковом чертоге, куда его принесли накануне ночью.

Не Сюань сидел у его изголовья и смотрел на него свысока. У Нин Синчжи не хватало мужества даже встретиться с ним взглядом; он отвернулся, впившись пальцами в постель так побелели костяшки.

Не Сюань усмехнулся, провел пальцем вниз по кадыку Нин Синчжи и коснулся его пояса.

Дыхание Нин Синчжи на миг замерло. Украдкой бросив взгляд на Не Сюаня, он встретил его насмешливый взор.

В тусклом свете свечей резкие черты лица Не Сюаня казались чуть мягче, а слабые огоньки в его глазах манили и чаровали.

Сколько себя помнил Нин Синчжи, Не Сюань всегда держался с людьми холодно и отстраненно, не позволяя себе улыбнуться даже при общении с самыми близкими.

В детстве Нин Синчжи еще не умел улавливать чужие настроения, но страсть как любил сладкое. Не боясь смерти, он подбирался к хмурому наследному престолу и выпрашивал лакомства. Нин Синчжи уже не помнил, какое выражение лица было тогда у Не Сюаня — в памяти осталось лишь то, как тот скормил ему все сладости со стола, да так много, что у мальчика от переедания разболелся живот.

Позже вдовствующая императрица прижала его к груди, осторожно растирая животик, и тихо спросила, любит ли он старшего брата-наследника.

Глядя на этого юного, но уже поразительно прекрасного, возвышенного и далекого от мирской суеты человека, Нин Синчжи тогда тяжело кивнул. Конечно же, он любил брата-бодхисаттву, который угощал его сладостями — тем более такого невероятно красивого.

С тех пор он стал компаньоном по учебе для Не Сюаня и каждый день неотступно следовал за ним по пятам.

Не Сюань по-прежнему оставался холоден со всеми, но Нин Синчжи отличался дерзостью: шаг за шагом прощупывая границы, он перешел от официального обращения ко второму брату до уговоров сбежать с уроков. И хотя Не Сюань по-прежнему не жаловал его, он во всем потакал мальчишке — настолько, что Нин Синчжи и сам позабыл, каким Не Сюань должен быть на самом деле. Он посмел влюбиться в него и даже осмелился на то, о чем прежде не смел и помыслить.

Той ночью Нин Синчжи не помнил себя от боли. Не Сюань словно наказывал его за дерзкие мечты: даже когда Нин Синчжи разрывало от боли, даже когда он беззвучно молил о пощаде,

Не Сюань не останавливался — до тех пор, пока Нин Синчжи не потерял сознание и больше ничего не чувствовал.

В комнате стояла абсолютная тишина, не раздавалось ни звука — лишь тяжелое, горячее дыхание Нин Синчжи.

Он невольно приподнял руку, желая коснуться Не Сюаня, но тот оттолкнул его ладонь.

Мгновение нежности растаяло, как мираж, стоило лишь чуть-чуть прикоснуться к нему — и все осколки разлетелись в прах.

Тело Нин Синчжи отяжелело, в голове шумело. Преодолевая слабость, он приподнялся на локте, но стоило свесить ноги с постели, как колени подкосились, и он рухнул на пол.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату вбежал молодой евнух с миской лекарства в руках.

Оставив пиалу на столе, он стремительно бросился к кровати, чтобы поднять Нин Синчжи. Увидев, до чего бледным и изнуренным тот выглядит, евнух едва не заплакал: — Да как Ваше Величество посмел так с вами поступить?!

— Дерзкие речи о государе... Видимо, твоя жизнь тебе больше не нужна, — проговорил Нин Синчжи, строго глядя на Ван Сяошуня. Дождавшись, пока тот смущенно опустит голову, он смягчил тон: — Ты служишь при императоре — вот и старайся угождать ему во всем остальном. А о прочем даже не думай.

Ван Сяошуню было всего тринадцать или четырнадцать лет. Из-за крайней бедности семьи его девятилетним продали во дворец на самую тяжелую работу. С детских лет он отличался упрямым нравом, не умел льстить людям, из-за чего терпел бесконечные издевательства и едва не лишился жизни.

Нин Синчжи случайно стал свидетелем этой сцены. Пожалев несчастного сироту, он упросил Не Сюаня — тогда еще бывшего наследником престола — оставить мальчика при себе и отдать в ученики к Ван Фуси. Кто бы мог подумать, что спустя столько лет этот характер ничуть не изменился.

— Ладно, — Нин Синчжи приподнялся на постели и, переведя дух, наконец встал.

Ван Сяошунь протянул было лежавшую рядом одежду, желая помочь одеться, но Нин Синчжи жестом остановил его.

На нем был парадный темно-фиолетовый мундир военного чиновника с круглым воротом — одеяние, положенное лишь чиновникам пятого ранг и выше.

— Эта одежда... — заметив вопрос в глазах юноши, Ван Сяошунь расплылся в улыбке: — Господин, я слышал, как Ваше Величество говорил, что жалует вам высокий чин!

Нин Синчжи глубоко вздохнул и широко раскинул руки, позволяя Ван Сяошуню одеть его.

Взгляд его был пуст и обращен куда-то в пространство, а сердце пронзала тупая, жгучая боль.

Он убил князя Чэн и захватил государственную печать — за это полагалась награда, но едва ли столь высокое назначение. Не по чину взятая награда сулит лишь беды. Что уж говорить о вчерашнем дне, когда столько людей видели, как он вошел в зал Цзычэнь в женском платье? Нин Синчжи страшно было представить, какие грязные слухи поползут по столице.

Ван Сяошунь закончил одевать Нин Синчжи и попытался поддержать его, но тот отмахнулся, показывая, что справится сам.

Сделав тяжелый шаг, он едва не упал, перевел дыхание и пошел дальше.

Каждый шаг давался с огромным трудом, и к тому моменту, как он выбрался из бокового чертога, он уже весь покрылся холодным потом.

Ван Сяошунь послушно следовал позади, отчаянно желая поддержать господина, но не смея ослушаться его приказа, поэтому семенил следом на некотором расстоянии, пока Нин Синчжи окончательно не отослал его.

Шло время утреннего доклада. Нин Синчжи не знал, с чем ему предстоит столкнуться, а Ван Сяошунь был слишком молод и вспыльчив — он не хотел втягивать мальчика в ненужные неприятности.

Нин Синчжи ступал очень медленно, но даже при этом неминуемо настиг толпу чиновников.

Завидев шумный галдящий поток людей, он уже хотел было свернуть в сторону, как вдруг раздался звучный голос: — Дорогой племянник Нин!

Это был министр обрядов Чэнь Шили.

У Чэнь Шили росла единственная дочь, ровесница Нин Синчжи.

Министр давно планировал породниться с семьей Нин, но сердце Нин Синчжи уже принадлежало Не Сюаню, и он никак не мог испортить жизнь чужой девушке, а потому отклонил это предложение о браке.

Чэнь Шили затаил обиду за тот отказ. И вот сегодня утром Не Сюань пожаловал Нин Синчжи чин генерала Левого стражи Фэнчэнь третьего ранга, вызвав бурю негодования при дворе.

Гражданские и военные чиновники на редкость единодушно принялись умолять Не Сюаня взять указ назад, однако никому не удалось поколебать волю императора.

После завершения аудиенции сановники кучками брели по дорожкам. Неведомо откуда поползли слухи о том, что Нин Синчжи провел ночь в зале Цзычэнь. Не успели чиновники толком разобраться, правда это или нет, как увидели самого Нин Синчжи, выходящего со стороны императорских покоев. И как бы тот ни старался держаться прямо, его неестественная походка выдавала все с головой.

Все взгляды мгновенно устремились на него. Нин Синчжи физически ощущал этот колющий интерес и, глубоко вздохнув, повернулся к Чэнь Шили, отвесив положенный младшим поклон: — Дядюшка Чэнь.

Чэнь Шили приблизился к нему неторопливой поступью. Стоило министру подойти ближе, как от Нин Синчжи повеяло густым, тяжелым ароматом драгоценной императорской амбры — такой запах мог въестся в одежду лишь от тесного, долгого соприкосновения.

Многозначительно глядя на Нин Синчжи, Чэнь Шили испытывал смешанные чувства. Будучи некогда потенциальным тестем, он, разумеется, высоко ценил достоинства Нин Синчжи, но никак не ожидал увидеть его в столь унижительном положении.

С одной стороны, падение Нин Синчжи радовало его, и Чэнь Шили даже радовался, что дочь не связала с ним судьбу; с другой стороны, ему было горько видеть, как некогда чистый и возвышенный юноша пал столь низко.

Проглотив готовые сорваться с языка едкие насмешки, Чэнь Шили похлопал Нин Синчжи по плечу: — Твой отец был честным и неподкупным человеком, прожившим жизнь с чистой совестью, да и оба твоих брата — опора государства. Ты еще так молод, береги себя, не ступи на кривую дорожку и не позорь имя семьи Нин.

— Благодарю за наставление, дядюшка, — слегка склонил голову Нин Синчжи. Держался он с достоинством, но на душе скребли кошки.

Он и сам всё понимал, но разве мог он хоть в чем-то повлиять на происходящее?

Вздохнув, Чэнь Шили покачал головой и удалился. Другие же министры, особенно военачальники, оказались куда менее церемонными.

— И эта бабенка тоже метит в генералы? Боюсь, он в жизни своей ни одной курицы не зарезал!

— Какая там курица, для него это слишком высоко! Эта девчонка небось и меча в руках не держала.

— Разве не говорили, что это он лично снес голову князю Чэн? Наверняка приписал себе чужие заслуги!

Группами проходя мимо Нин Синчжи, они не стеснялись в выражениях, изрыгая отборную грязь и осыпая его презрительными взглядами.

Кто-то из них нарочно качнулся в сторону Нин Синчжи и со всего маху вре S*Wился в него плечом. После тяжелых увечий и недавней ночной расправы Нин Синчжи едва держался на ногах, поэтому от сильного толчка его тут же отбросило в сторону.

Он уже готовился рухнуть на землю, чувствуя, как внизу живота снова вспыхивает разрывающая боль, но чьи-то крепкие руки вовремя подхватили его, прижав к груди.

Нин Синчжи бросил боковой взгляд на спасителя. Им оказался Вэнь Чанлин — старший внук Вэнь Жу, бывшего наставника Не Сюаня и самого Нин Синчжи.

Лицо Вэнь Чанлина исказил легкий гнев. Всегда безупречно вежливый и учтивый молодой господин в этот раз не преминул уколоть недоброжелателей: — Что-то я не припомню воинской доблести у уважаемых господ, когда князь Чэн поднимал мятеж. Зато травить больного человека у вас получается мастерски.

Лица военачальников пошли пятнами от стыда и злости. Не подумав, они тут же перешли в контратаку: — Раз господин Вэнь так ревностно защищает этого молодого господина Нина, уж не приходится ли тот ему... — они намеренно тянули слова, блуждая сальными взглядами по обоим юношам, после чего издевательски добавили: — ...возлюбленным наложником?

Услышав это, Нин Синчжи помрачнел. Своей репутацией он уже не дорожил и стерпел бы любые пересуды за спиной, но втягивать в это ни в чем не повинного человека он не собирался. Будь что будет! Бросив на военачальников насмешливый взгляд, он холодно обронил: — Раз уж уважаемые господа так прекрасно осведомлены, каким именно путем я получил свой чин, неужто вам хватит смелости распускать здесь столь безумные слухи?

Услышав такое, военачальники побагровели. Они никак не ожидали, что Нин Синчжи окажется настолько бесстыдным, чтобы открыто гордиться собственным позором! Злобно переглянувшись, они фыркнули и прочь удалились.

Прислонившись к Вэнь Чанлину, Нин Синчжи перевел дух, выпрямился и сдержанно поклонился: — Благодарю вас, Вэнь-дажэнь.

Вэнь Чанлин покачал головой. Он долго и тяжело смотрел на Нин Синчжи, собираясь что-то

сказать, но в конце концов лишь горько вздохнул.

<http://bllate.org/book/22060/2293771>